

**Письма Н. Г. Порфиридова С. М. Смирнову
(1967–1979)***

«... Очень дорога, близка и небезразлична
красота родного города»

Сегодня мы уже располагаем небольшой библиографической базой о жизнедеятельности Н. Г. Порфиридова (1893–1980) – заведующего Управлением новгородских государственных музеев (далее – УНГМ), ученого секретаря Новгородской секции Института истории АН СССР, заведующего отделом ГРМ, кандидата исторических наук. В исследованиях и публикациях уделено внимание его творческому наследию: выявлены и объявлены в подробных списках научные труды; переизданы тексты нескольких малоизвестных работ, рассыпанных по страницам периодической печати 1920-х гг.; впервые опубликована самая ранняя научная работа Николая Григорьевича. В сопроводительных очерках к этим публикациям и в отдельных статьях даны сведения биографические и о служебной деятельности, оценка творческого наследия. Все работы, за исключением одной, посвящены довоенному новгородскому, главному, по определению самого Н. Г. Порфиридова, периоду его жизни. Он написал о нем увлекательные, запоминающиеся каждому собственные воспоминания.

Однако в биографической летописи человека, оставившего столь значительный след в деле музейного строительства, охраны и изучения памятников, остается еще много незаполненных страниц. Мы не знаем о семье, в которой он рос и воспитывался, очень мало – о семье, которую создал. В каких условиях прошли его детские и юношеские годы? Что чувствовал молодой человек, готовивший себя к священническому поприщу, когда окончание им Духовной академии совпало с моментом падения самодержавия? Как проходила жизнь в местах лишения свободы, и каковы обстоятельства досрочного освобождения? И эти, и ряд других вопросов ждут продолжения исследований. В настоящее время имеется возможность восполнить одну из страниц биографии Порфиридова сведениями из его собственных писем, адресованных Сергею Михайловичу Смирнову – земляку, однокурснику и коллеге по служебной деятельности с 1918 по 1933 г., другу с детских лет до самого конца жизни. Они

* Вступительная статья, подготовка текста к публикации и примечания Г. К. Маркиной.

хранятся в архивном фонде С. М. Смирнова и насчитывают 70 ед. хр. Первое письмо датируется 6.09.1967 г., последнее написано незадолго до смерти – 2.12.1979 г. (В эти годы Порфиридов возобновляет активную переписку с друзьями детства и юношества, однокурсниками по учебе в Новгородской духовной семинарии, затем в Санкт-Петербургской Духовной академии: К. Митропольским, В. А. Веским, А. В. Смирновым, Н. Н. Запольским и др.) На протяжении 12 лет между двумя умными и интересными людьми длился информативно насыщенный, доверительный диалог. К сожалению, мы имеем только письма Николая Григорьевича, ответных писем в его фонде не оказалось.

Благодаря простоте и богатству языка, письма читаются «на одном дыхании». Создается впечатление, что автор продолжил ими хронологию своих, всем известных, Воспоминаний. В письмах – живой интерес к текущим новгородским и ленинградским новостям и художественной жизни, исторические сведения о себе, людях, событиях, рассказы о собственных интересах и повседневных занятиях, вспышки попутных воспоминаний о своей малой родине, годах учебы и довоенной службы, военной эвакуации, зарисовки явлений природы, размышления и высказывания на самые различные темы. Одной из главных тем переписки является Новгород. «...Очень дорога, близка и небезразлична красота родного города», – признавался Порфиридов в одном из писем. Информация, заложенная в письмах, не только дополняет то, что известно, но и открывает совершенно новые факты его жизни. Запечатлено множество черт его личности, которые позволяют понять состояние его души. Четко очерчивается круг интересов и образ мыслей автора, остается приятное ощущение знакомства с интересным, интеллигентным человеком, порядочным, непременно тактичным, внешне простым и скромным, доступным, наделенным мудрым умом, глубокой внутренней сутью.

Для публикации, во-первых, отобраны письма, которые уже сегодня стали ценными историческими источниками, подтверждающими, иногда существенно дополняющими важные факты людских судеб. Во-вторых, письма, в которых присутствуют сведения к биографии автора. В-третьих, письма-отзывы, письма-размышления, письма-предложения на события научной и художественной жизни. В-четвертых, преимущественно, письма новгородской тематики.

Количество их составляет 29 ед. Все письма публикуются по авторам, подавляющее большинство – в извлечении. Опущенные сведения отмечены отточиями в угловых скобках. Без оговорок опущены приветствия, поздравления, подробности состояния здоровья, повторы в описании бытовых деталей, сугубо личные моменты. Более ценная информация оговаривается в постраничных примечаниях. В примечаниях, кроме того, сделана попытка дать некоторые интересные сведения из писем, не включенных в данную публикацию. Сокращения слов раскрыты, квадратными скобками отмечены восполнения слов, имеющих двойное прочтение. Воспроизведены авторские подчеркивания и шрифтовые выделения отдельных слов и фраз. Орфография и пунктуация, в основном, сохранены авторские. Легенды (шифры) обозначены в пере-

ди текста писем. Подборку писем предваряет краткая биография, составленная в 1955 г. самим Н. Г. Порфиридовым в ответ на запрос заведующего сектором древнерусской литературы АН СССР Д. С. Лихачева и ученого секретаря С. Н. Азбелева: «Сектор <...> собирает сведения обо всех исследователях Советского Союза, работающих в области изучения древнерусской литературы». Далее биография и творческая деятельность ученого продолжена в публикуемых письмах.

ОПИ НГМ. Ф. Р-8. Оп. 1. Ед. хр. 100. Л. 5. Копия. Машинопись.

Порфиридов Николай Григорьевич

Родился в 1893 г., в селе Большое Замошье, Новгородской губернии и уезда.

Высшее образование – историко-филологическое /окончил в 1916 г./ и археологическое /окончил в 1918 г./ получил в Ленинграде /Петрограде/.

Службу начал в Новгороде, 1.04. 1918 г., будучи назначен членом коллегии Отдела народного образования Новгородского губернского исполнительного комитета.

Позднее, до 1941 года, работал там же последовательно заведующим Губернским комитетом по делам музеев и охране памятников искусства и старины, директором Правления новгородских музеев и старшим научным сотрудником Новгородской секции Института истории Академии наук СССР.

Был избран научным сотрудником 1 категории Государственной Академии Истории материальной культуры, по разряду древнейшего русского искусства и искусства славянских народов /17.05.1920 г./ и научным сотрудником Государственного Института истории искусств, по отделу изобразительных искусств /6.11.1925 г./

Вел преподавательскую работу в должности и. о. доцента в Новгородском /до 1941 г./ и Тюменском /1941–1945 гг./ педагогических институтах, а также Институте им. Репина Академии художеств СССР, читая курсы фольклора, древнерусской литературы и древнерусского искусства.

В 1945 г. /26. 03./ защитил работу на ученую степень кандидата исторических наук в Институте истории материальной культуры Академии наук СССР /Москва/.

С 1945 г. – на основной работе в Государственном Русском музее /Ленинград/ в должности заведующего отделом древнерусского искусства.

ОПИ НГМ. Ф. Р-11. Оп. 1. Ед. хр. 44.

Л. 3 об. – 4, 29.10.1967. <...> О нас ты знаешь, вероятно, в основном все. После войны, с 1945 года, работал в Государственном Русском музее в должности заведующего Древнерусским отделом и несколько лет заместителем директора по научной части. Кроме того, по совместительству преподавал в Академии Художеств (на факультете истории и теории искусства). Имея в кармане пенсионную книжку с 1953 года, не

пользовался ею в течение десяти лет, до 1963-го, когда заставила это сделать тяжелая и длительная болезнь, часто вообще ставящая точку. Вызвали доктора, которым попал по счастью в руки, и Мария Гавриловна. В настоящее время уже с полным правом ношу звание пенсионера, хотя вовсе связе с Русским музеем не теряю, оставаясь членом Совета, членом экспертно-закупочной комиссии и консультантом.

Думал, будет трудно отвыкать от привычного многолетнего порядка, образа жизни и темпа работы, а оказывается ничего. Даже доволен. Получил время на то, на что его никогда не находилось. Сделал несколько работ, которые без этого лежали бы без движения. В замыслах, и отчасти в папках, их еще много на очереди, были бы силы <...>

Л. 7 об., 8 об., 21.12.1967.

<...> Пишешь ты, что сейчас обладаешь свободным временем. Грешно не использовать его для реализации твоего литературного дарования. И вот – ближайшее поле для его применения. Знаю я из общения с издательскими работниками, какая у них сейчас потребность в хорошей описательной литературе. Сам город Новгород, может быть, избитое, замусоленное место. А, помимо его, сколько привносится заманчивых тем для интереснейших книжек.

Например, «По Волхову». Популярная сейчас водная трасса. Антоново, Колмово, Деревяницы, Устье Питьбы, Хутьнь, Горбы, Онег – место рождения Рахманинова, Военные поселения и штабы, Грузино! ??? первенец электрификации Волховстрой! Старая Ладога!.. Да к историческим справкам и воспоминаниям – еще пейзажи попутных мест, – книжку оторвут с руками, издадут без обычной канители.

Такие же можно сделать по другим родным нам водным трассам. По Шелони: Шимск, Велебицы, Сольцы, Порхов... по Ловати... по Мсте. Или – по авто-пути, по шоссе, Новгород-Валдай... Валдайское озеро <...>

Л. 13–14 об., 13.04.1967.

Спасибо, дорогой Сергей Михайлович, за письмо Кости Митропольского. Сыскался, значит, след Тарасов... Чрезвычайно интересна его пространная информация о себе. (Возвращаю его письмо). Непременно ему напишу. Он хороший, глубоко порядочный человек.

Странно (или, наоборот, естественно?), что через столько лет восстанавливаются связи с друзьями юности.

В прошлом – тоже просторном – письме к тебе я, все же, не уместил всего, о чем хотел написать и расспросить. С большим интересом читаю все, что ты сообщаешь о новгородских памятниках, их охране, реставрации и прочее. Да, многие из них выглядят совсем не так, как выглядели раньше. И не всегда изменились к лучшему. Вольности, субъективизм в их архитектурной реконструкции – очевидно, обратная сторона их восстановления из разрушения. Кто в том повинен? Нет в этом деле твердого и авторитетного научного руководства из общего центра, как это было раньше.

После войны дело архитектурной реставрации – в руках местных архитектурных мастерских. В Новгороде сначала оно попало в опытные

руки покойного академика А. В. Щусева. Потом довольно долго им руководил на месте заведующий новгородской мастерской С. Н. Давыдов. Его консультантом некоторое время был, пытался быть, А. П. Удаленков, которого затем оттер Юр. Н. Дмитриев, приятель С. Н. Давыдова. После того некоторое участие в вопросах архитектурной реставрации принимал М. К. Каргер; но он сам иронизирует по поводу некоторых реконструкций.

Интересно, что получится из предпринятой организации модного сейчас «музея под открытым небом». Хорошее ли место ему определено у Юрьева монастыря? Будет ли оно достаточно? Дело устройства такого парка-музея не простое, должно быть рассчитано, спланировано на много лет вперед и осуществляется обдуманно, обеспеченно во всех отношениях. Честь и хвала музею, если он его осилит и не забросит.

После войны мне несколько раз пришлось бывать в музее – на съездах, совещаниях и заниматься по своим научным делам. (Кстати, касаясь последних, меня беспокоило отсутствие ряда вещей, притом из самых интересных, которые я разыскивал, и никто не мог ничего мне о них сказать, куда они делись. Может быть, помнишь, например, выносной бронзовый чеканный крест, найденный в Орельской церкви, XII–XIII в.? Печать архиепископа Нифонта; каменную иконку «Ивана Захарию»).

Наверное, ты знаком с раскопками последних лет экспедиции Академии Наук. Что скажешь о них? В частности, о находке Готского двора, о котором была большая статья в «Советской культуре». Действительно, это так и есть? К сожалению, официальные отчеты и материалы публикуются с большим опозданием. Новгородскую газету я читаю лишь случайно. Ее мне присылают по брат Иван Григорьевич, то ее сотрудник Г. Т. Нарышкин. Я с ним лично не знаком, но иногда переписываюсь. Мои статьи, какие в «Новгородской правде» были напечатаны за последние годы, написаны по его просьбе.

По искусству Новгорода продолжают выходить новые издания. Может быть, тебе уже попались на глаза недавно вышедшие: большой альбом по Новгородской живописи В. Н. Лазарева, книжка о прикладном искусстве Новгорода XI–XV вв. Г. Н. Бочарова. Институт истории искусства готовит капитальный, многотомный труд, посвященный искусству Новгорода (отдельные тома – по живописи, по прикладному искусству, по книжным миниатюрам, даже по шитью...).

Получаю или приобретаю, по возможности, все вновь выходящее. Хотя изредка уже призадумываешься о дальнейшей судьбе книг. Ты пишешь о назначении своих классиков «для потомства». Интересуется ли твое потомство вот этой нашей областью науки? У меня, кажется, никто к ней не привержен. Вот, разве у Володи, Наташиного мужа, хоть он и специалист кибернетик, интересы самые широкие, которых хватает на все. К какой специальности готовят себя ваши внук и внучка? Хотя им, может быть, рано еще решать этот вопрос и их склонности еще не сложились.

Привет от нас Оле и всей вашей семье.

Твой Порфиридов.

Л. 15 об., 05.07.1969.

<...> Новгород, вероятно, сейчас полон людьми. По летнему времени, являюсь ежедневным читателем «Новгородской правды». Недавно в ней читал статью о перспективах Новгорода как экскурсионно-туристического центра, напечатанную за несколько дней до того в центральной «Правде» – («Уму, сердцу и казне»). В ней много дельных мыслей; но какими маниловыми выглядят некоторые местные руководители, чьи «планы» в статье приводятся. Устройство подземной улицы под современным городом на глубине 10-12 метров... Опять флотилия каких-то людей на Ильмене и чуть ли не устройство подводного ресторана <...>

Чрезвычайно заинтересовало меня твое сообщение о концерте в Софийском соборе. Идея использовать некоторые церковные здания как концертные залы неоднократно поднималась в печати. Но в данном случае – явно покушение с негодными средствами. Уж если б что и испробовать – не жалкий самодеятельный хор с песнями, а старинную музыку, Баха, Генделя и т. п., в хорошем исполнении симфонического оркестра или капеллы Юрлова, да не на солее, а где-нибудь на хорах. И то не знаю, ужилось бы это именно с Софией, или нет. Может быть, уместнее Знаменский собор, если он приведен в порядок <...>

Л. 19 об., 05.10.1969.

<...> Не узнаю Витки, своей «малой родины», в которой если и не родился, то вырос. Очевидно, той Витке – лугам, цветам, рошам, речкам, строениям, наконец, людям – суждено жить только в памяти и в воспоминании. Большое спасибо тебе за последнюю серию фотографий. Но хоть они сняты на фоне родных витенских мест не узнаю Витки. Не думаю, что это всеобщий закон, но в данном случае это так. Не тянет туда. Особенно, как послушаешь рассказы, да и сам посмотри <...>

Л. 23 об.–24 об., 05.12.1969.

Я опять про то же: какой интересной могла бы под твоим пером получиться, например, книжка: По Волхову – от Новгорода до Ладоги. Конечно, лучше некоторых из перечисленных выше. Или вот ты писал о поездке в Старую Руссу. Вот бы так и дать – живой портрет города и дороги к нему.

В одном из писем ты спрашивал, не помню ли я фамилии того, кто в 20-х годах короткое время заведовал Софийским собором? Вероятно, имеется в виду т. Кадурина. <...> Теперь о другой материи. Ты писал как-то о своеобразной прелести деревенских бань и о том, что они теперь нам, увы, не по силам. Да, примитивные черные бани, с зверски накаливаемой каменкой и с дощатым, без потолка, предбанником – так. Но я вспоминаю нашу последнюю баенку в Витке. Или ту, в которой моемся по летам в Усть-Волме у наших, в саду, рядом с пчельником, под огромной акацией. За ней, под горой, речка, за речкой лес. В кустах поют соловьи. В такую баньку сходить – за удовольствие. Париться, конечно, нам время отошло (да я никогда и не любил). Но пойти перед баней в лесок, наломать мягких молодых березовых веточек, чтобы ими

натереться до мочалки – это, я вам скажу, стоит всякой городской ванны, с бодусаном, хвойной водой или т. п.

Посещал ли ты заседания научной конференции, которая проходила в Новгороде в последних числах ноября? На ней выступали докладчики из Москвы и из Ленинграда (Янин, Колчин, Брюсова, Каргер и др.) и меньше всего – своих, новгородских... Интересно бы услышать живые впечатления <...>

Л. 25–26 об., 13.04.1970.

Весенний привет, дорогой Сергей Михайлович!

Вот теперь, кажется, весна вступила в свои права твердо. И ждешь этого времени, и всякий раз удивляешься, как оно незаметно приходит и так же быстро проходит.

Вообще не перестаю огорчаться быстрым бегом времени. Давно ли были Новый год, женский день; давно ли только еще предстояли такие народные вехи приближения весны, как «Василий – капельник», «Авдотья-плющица», «Герасим-грачевник», «Благовещенье-третья встреча весны»... (не могу отстать от своих пристрастий к фольклору), – а вот уже все они позади. Мелькают они как маленькие станции на пути скорого поезда, на которых он не останавливается...

Мы живем поблизости от б. Конюшенной улицы (теперь Софьи Перовской). Вспоминается, как на ней об эту пору бывал «Вербный базар». Прямо таки мы были свидетелями и современниками доисторических времен. Seriously, иной раз мне трудно бывает представить, что живем в том самом городе, в котором жили, когда учились, что это тот же Невский проспект, та же Нева, то же Марсово поле. Даже в центре города, который в общем исторически сохраняется, так много нового – новые грандиозные мосты, отдельные современного типа высотные здания, метро, подземные переходы, реконструированный весь участок около Александрo-Невской Лавры, площадь у Финляндского вокзала... А о бывших окраинах, где теперь, к сожалению почти не приходится бывать, я и не говорю: там все новое, незнакомое.

Впрочем, ведь то же самое и в Новгороде. Раздвинулись улицы, площади, все масштабы. Вы, вероятно, к ним уже привыкли. А у меня в представлении на них часто наслаиваются старые, сугубо провинциального типа, улицы: Петербургская, куда чаще всего в училищное время нас водили парами гулять, мимо старого деревянного театра, где на углу у Летнего сада находилась аптека и аптекарский магазин, около которых раньше всего просыхали тротуары, и очень вкусно пахло из дверей духами... Московская, с ее маленькими магазинчиками, кондитерскими и парикмахерскими...

Очевидно, это закон природы – впечатления детства и юности ослабевают, но где-то, в каких-то извилинах головного мозга, живут и со временем всплывают. Возрастная физиология.

Кстати, я как-то поразился мыслью: а ведь мы старше наших учителей. Не говорю уже о таких, как Созин, Миролюбов, но – страшно подумать! – Моденского, даже Гедевского, Вольского. Тоже трудно

представить. Равно как и родителей – моложе себя. Возрастная психология.

<...> Посылаю тебе еще один оттиск – статьи из недавно вышедшего XXIV тома «Трудов отдела древнерусской литературы». Статья небольшая и была написана спешно, – хотелось откликнуться на приглашение принять участие в выпуске, посвященном юбилею Варвары Павловны Андриановой-Перетц. И юбилей редкий, и сама она заслуживает всяческого уважения.

Ну, с 1 мая, кажется, поздравлять еще рано. Привет Оле и всему семейству. Желаю вам всего доброго.

Твой Порфиридов.»

Л. 29, 21.07.1970.

У-Волма. <...> Сердечно благодарю тебя за фотографию Ефимьевской часозвони в новом ее виде. Мне кажется, получилось неплохо. Не знаю, как насчет общего соответствия ее кокошинок духу древней новгородской архитектуры. Но, во-первых, они задокументированы изображением XVII века. Во-вторых, они, все же, лучше, чем тот обрубок, который стоял со времени войны. А о часах я так и думал, что с ними что-нибудь не выйдет. Уж больно мудрено описывала «Новгородская правда» эти «новгородские куранты» в период их устройства. Видно, старый способ отбивания времени за проволоку снизу был надежнее. Не хорошо, однако, что новые циферблаты показывают разное время, – это будет поводом для острот.

И за новгородские новости спасибо. Хотя я сейчас, летом, ежедневно читаю новгородскую газету, но она не заменит живого дружеского общения. Да о многом в ней, естественно, нет <...>

Л. 33 об.-34, 23.02.1971.

<...> Значит Софийское паникадило опять на своем месте. В новгородской газете я читал патетическую статью по этому поводу «Возвращенный свет», с воспроизведением памятника. Ты пишешь, что оно, все же, блестит как новенькое, и это вредит впечатлению. Что ж? Пожалуй, хорошо, что оно восстановлено. Хотя вопросы восстановления интерьеров памятников, подобных Софийскому собору, сложны и во многом спорны. Интересно, что теперь находится на хорах Софийского собора – в помещении древней ризницы и соответствующей ей северной галереи? Когда-то я тоже читал в «Новгородской правде» о том, что в котором-то из этих помещений (я понял так) организована выставка книг.

Сколько же теперь людей в музеях, насколько шире возможности, чем в наше время!

Ты вспоминаешь старых работников Губмузея, в частности С. К. Матвеевского. Это было действительно прекрасный светлый человек, о котором и у меня осталась навсегда самая добрая память. Он и получил образование, и, можно сказать, вырос при Академии Художеств, где служил его отец. Даже венчался в академической церкви. К таким же хорошим людям отношу я А. И. Капгера. М. В. Муравьев и К. П. Драни-

цын, по-моему, были несколько иного склада. Коллекции К. В. Федорова не были значительными, он собирал, главным образом, старый фарфор, (называл его с ударением на первом слоге: ф^арфор). О. Э. Браз и А. И. Анисимов были его постоянными посетителями.

Приезжих людей в Новгороде бывало, верно, много. Вспоминаемого тобой Преображенского и я не упомяну. Какие материалы к «Ивану Сушанину» он мог собирать?

В начале 20-х годов в Новгород приезжал покойный теперь Мстислав Владимирович Фармаковский, собиравший по усадьбам материалы для существовавшего тогда историко-бытового отдела Русского музея. Им, между прочим, была сделана большая хорошая акварель дома в усадьбе «Онег», где родился и рос композитор Рахманинов. Эта усадьба на Волхове, после того принадлежала Н. В. Муравьеву. Кажется, теперь есть замысел восстановить эту усадьбу. Вид дома, когда он был еще цел и не очень поврежден, был бы чрезвычайно кстати. Но не могу сыскать следов этого рисунка – ни в фондах Русского музея, ни в фондах Эрмитажа, куда поступили в большинстве коллекции историко-бытового отдела по его ликвидации, ни у вдовы Мстислава Владимировича.

Работа о новгородских улицах и площадях, о которых ты так нерешительно пишешь, я думаю, может получиться очень интересной. Ведь скоро даже названия их позабудут. Право, может получиться интересная и оригинальная книга <...>

Л. 50 об.-51, 09.01.1972.

<...> В последних письмах ты вспоминал ряд знакомых из давно прошедших и недавних времен. Большинство их знакомы и мне. Иные давно ушли из поля зрения, другие остаются в нем до сих пор.

Так, давно потерял из вида Н. С. Анерг. С ее помощником по новгородским реставрациям В. А. Витманом изредка встречались до самой его смерти года три назад: он был профессором ЛИСИ, одно время председателем секции искусства Общества по распространению политических и научных знаний, одновременно бывали на даче в Усть-Нарве. Л. А. Дурново после Ленинграда долго жила и работала в Армении, в Ереване. Незадолго до смерти приезжала в Ленинград, заходила в Русский музей. «Габаритная», как ты пишешь, Н. И. Толмачевская, работавшая когда-то с Л. А. Дурново в Новгороде по копированию фресок (кстати, неважному), жила последние годы, может быть, и живет до сих пор, в Москве. Лично встречаться не приходилось, но имел от нее – давно уже – три письма и получил от нее книгу о грузинском искусстве. Действительно «тихая» Е. К. Эвенбах живет в Ленинграде, член Союза художников. Заходила в Русский музей как-то по поводу продажи своих копий фресок, присылала приглашения на открытия своих выставок. С А. Л. Яковсоном встречался много раз – и на заседаниях в институте археологии, и на разных выставках, и так, на улице. Он уже не такой «веселый молодой человек», – ст. научный сотрудник Института археологии, видный специалист по истории Херсона и вообще Причерноморья, доктор истории. Встречаемся с ним как-то на нашей Конюшенной пло-

шадя. Как обычно, – «что нового?» – «Да вот недавно была у нас защита (не помню уж кого). Я думаю, а чем я хуже? Представил работу к защите на ученую степень доктора». Семейный человек, две взрослых дочери, но такой же добродушный.

А Энгелина Сергеевна Смирнова – это моя бывшая сотрудница по древнерусскому отделу. До недавней смерти отца, старого большевика, участника штурма Зимнего дворца, жила в Ленинграде, после чего перевелась в Москву, в Институт истории искусств. Талантливый человек, много работает. <...>

Л. 59–60 об., 23. 04.1972.

<...> Третьего дня получил твое письмо от 16.04. Имею уже беспокойство долгим отсутствием – не было с 5.03. Спасибо. Как всегда, за новости родного города и за приложенную схему Юрьевского парка деревянной архитектуры. Я немного не так представлял расположение в нем перевезенных памятников. И схему южной половины нового парка, что вокруг кремля, тоже получил. И его с трудом воображаю: представление наслаивается на старую картину сенной площади, потом рынка. (Кстати, а ты получил ли книжку Н. Н. Розова, которую я тебе послал, и как она тебе показалась?)¹

Продолжающаяся реставрация древних памятников в Новгороде очень отраднa, в частности, церковь Колмова. Но вообще, старое Коломово, каким оно помнится, теперь, как я его мельком воспринял, когда по дороге из Крестец на такси заезжал на заправку машины, стало неузнаваемым. С большим интересом услышал весть и о восстановлении церкви Ковалева. Неужели с ее восстановлением не приведут в порядок и весь разоренный Ковалевский холм? Теперь, очевидно, очередь будет за Волоотовом. Там тоже ничего не осталось от бывшего пейзажа.² И о Мячине не знал, что оно приспособлено под рыбозаведение. Не знаю, что уж лучше – рыбное хозяйство или спортивное переоборудование.³ Вспоминаю, какой шум в свое время вызвала железнодoрoжная насыпь, перерезавшая в этих местах историческое урочище Новгорода.⁴

В ленинградских газетах сейчас большие страсти возбуждают вопрос о парке г. Пушкина (бывшего Царского Села). Архитекторы-реставра-

¹ В письме от 24.03.1972: «...Посылаю тебе (бандеролью) недавно вышедшую книжку Н. Н. Розова „Русская рукописная книга“. Мне она очень понравилась. И сам автор ее человек весьма симпатичный. Помнишь, он тебе тоже понравился по докладу на новгородской конференции» (Ед. хр. 44. Л. 59).

² В письме от 1.11.1969: «То, что ты пишешь о состоянии Антонова, печально. Я видел его сразу после войны, но тогда это было неудивительно. Теперь же – позорно. Стыдно за институт. И это – педагогическое учебное заведение. Чему же будущие педагоги смогут научить своих учеников?» (Ед. хр. 44. Л. 21 об.).

³ В письме от 24.03.1972: «Бывший у нас недавно брат Иван Григорьевич рассказывал, что на Мячинской рели начато устройство канала для гребных состязаний. Значит, будут и трибуны, и другие около него постройки. И этот участок исторического пейзажа Новгорода исчезает. Представление Академии Наук и Общества охраны, о которых говорил мне В. Л. Янин, не учтены» (Ед. хр. 44. Л. 57 об.).

⁴ Речь идет о строительстве железнодoрoжной магистрали Петроград – Царское Село – Новгород – Орел в период Первой мировой войны. Начало строительства новгородского участка железной дороги – 1916 год.

торы, склонные и здесь к прожектерству, притом самомнительные, задумали – и уже начали приводить в исполнение – коренную «реконструкцию» пушкинского парка в видах придания ему первоначального, даже не екатерининского, а елизаветинского вида с голыми симметричными партерами, стриженными деревцами и т. д., а для этого вырубать вековые парковые деревья и аллеи. Это дорогостоящая, а, главное, никчемная порочная затея справедливо вызвала бурю негодования. За осень и зиму в газетах был напечатан ряд возмущенных протестов писателей, художников, рабочих, старых ленинградцев. На днях – большая, убедительная, превосходно написанная статья Д. С. Лихачева. Не знаю, повлияет ли она на пересмотр вопроса.

В своем письме ты вспоминаешь ряд знакомых фамилий. Л. А. Дурново, исконный работник Русского музея, давно, вероятно еще в 30-х гг., перебралась из Ленинграда в Ереван. Кажется, после смерти ее старого отца и когда обстановка в Русском музее и Академии Материальной культуры стала очень «беспокойной» (истории с Малицким, Сычевым, Нерадовским и многими другими). В Ереване она много сделала по изучению древнерусской миниатюры. Жила, говорят, одна, в окружении птиц, котов, собачек.

Т. С. Шевякова и сейчас живет и работает в Тбилиси – работает и научно и художественно по изучению и копированию древнегрузинской живописи. Изредка наезжает в Ленинград. Ее дочь работает в Москве в Институте археологии АН. Г. О. Боровка, на которого ссылается в своей книге А. П. Окладников, это действительно тот, бывший сотрудник Эрмитажа и Академии материальной культуры, большой специалист по искусству скифов. С А. П. Окладниковым мне пришлось быть близко знакомым, когда он, еще до переезда в Сибирское отделение АН СССР, работал в Ленинграде. По его просьбе я обрабатывал художественный инвентарь из числа находок на стоянке наших зимовщиков-мореходов XVII века на о. Фаддея, которые он издавал в Арктическом институте. Наконец, И. И. Тыкин-Томский. Он из Сольвычегодска. Первые годы революции там и работал, заведовал музеем и охраной памятников. Потом, не знаю когда, переехал в Ленинград. В 30-х годах встречал его в Ленинграде на съездах и конференциях. Однажды когда-то был даже у него, он был уже женат (на архитекторше, ведавшей реставрацией памятников в Сольвычегодске); где они жили – не помню. После войны не приходилось ни встречать его, ни слышать о нем.

Встречаешь ли ты Александра Игнатьевича Семенова? Как он живет? Что-то уж очень он жаловался на свое здоровье. Знаешь ты его семью? Кстати, недавно ко мне обращались из Ленинграда дважды с просьбами прорецензировать работы новгородских авторов по Новгороду (в серии «Туристу о Новгороде»). Я позволил себе указать им на него, как местного жителя и автора большого путеводителя по Новгороду) <...>⁵

⁵ Далее: о семейной традиции выездов из Ленинграда в его пригороды «на природу» ранней весной. «Но разве она (весна Г.М.) может идти в сравнение с ранней весной в деревне: каналы с водой, пробивающаяся первая травка, а главное – этот запах пробуждаю-

<...>⁶ Говоря о собственных занятиях «наукой», знаешь, о чем я больше всего жалею? О том, что за годы музейной работы не копил материала (разумею фото, рисунки, описания) о тех предметах, которые проходили через руки, с которыми имел дело, которыми приходилось заниматься. Надо было копить, копить. В годы служебной работы было не до науки. Теперь, когда есть время, нет нужного материала, справок, фотографий. И препятствия этого не преодолеть. Приходится оставлять замыслы.

Из-за ограниченных возможностей печатания чаще всего приходится заниматься темами, о которых просят или заказывают. В таком порядке сделаны у меня очерк об искусстве золотой наводки – для Института истории искусств, две статьи о новгородских печатях – для издания «Вспомогательные исторические дисциплины». Древней живописью почти перестал заниматься. Недавно не утерпел, написал для сборника ЛОИА статью на тему «Следует ли отказываться от летописной даты росписи Волотова?», ее с легкой руки В. Н. Лазарева почти окончательно отодвинули в конце XIV века, во имя трактовки ее мастера в качестве ученика и последователя Феофана Грека, (а его работа в Новгороде – 1376 год).

С особым же интересом и аппетитом занимаюсь областью мелкой пластики, преимущественно новгородской. Об этом виде искусства древней Руси ничего никем толком не сказано. Произведения его не приведены в известность, не введены в историю русского искусства. В литературе – дореволюционной и советской – опубликованы немногие случайные памятники. А уж что касается области их атрибуции – здесь все на личном впечатлении авторов: вот кажется ему, что это – «Москва», это – «Рязань», это – «Новгород». Хочу в отношении наиболее знакомого (и объективно наиболее богатого) Новгорода поставить вопрос на строго научную почву: положить в основу изучения материал, документально связанный с Новгородом по четырем категориям: I – памятники, найденные в новгородской почве раскопками; II – памятники, найденные в Новгороде случайным, т. н. подъемным путем; III – памятники, издревле сохранившиеся в новгородских церквях и монастырях, и IV – памятники, идущие из Новгорода в составе музейных и частных собраний (когда это точно записано). Проанализировать этот фонд и по возможности выявить соответствующие стилистические линии в общей массе депортированного материала, рассеянного по разным музеям.

Не знаю, что получится. Кое-что как будто уже намечается. Но с возможностью публикации работы – темно. Древнерусская тематика, одно время процветавшая, пошла на убыль и сокращение. Это уже коснулось и единственно возможного места – Древнерусского сектора Института

щейся земли... Точно и сейчас ощущаю его. Навсегда буду благодарен тому микро-миру, среди которого рос, который отложился в душе нестираемыми впечатлениями и который научил чувствовать и любить природу».

⁶ Опущено: о выборах в Академии Наук в действительные члены; о новой концепции возникновения и первоначального развития Новгорода, выдвинутой Алешковским.

истории искусств. Кроме того, там полно своих сотрудников, которым платится жалование и продукцию которых надо печатать.

С этой темой о мелкой каменной пластике есть у меня к тебе одна просьбица. Ты время от времени видишься с Михаилом Александровичем Ковалевым. Нет ли в его собрании древних каменных иконок? Он собирал, кажется, все, что попадалось под руку. В свое время я не расспрашивал его об его коллекции, тем более, что он, когда случалось, говорил о ней мало и уклончиво. Теперь ему нечего опасаться. А за сведения об этого рода материале, если он у него есть, я был бы так благодарен!

Давно стоит у меня на очереди и тема о новгородских каменных крестах (с изображениями). Препятствие – то же: отсутствие хороших фото.

Кстати, что это за сенсация? – недавно мелькнувшая в газетах заметка о валуне с изображениями, найдено при строительстве химкомбината близ Вяжищ и доставленном в музей. Не пришлось его видеть? Для здешних мест это действительно нечто небывалое <...>

ОПИ НГМ. Ф. Р-11. Оп. 1. Ед. хр. 45.

Л. 1-3 об., 01.02. 1974.

<...> Новый памятник, поставленный в Новгороде,⁷ видел на фотографии в газете, а еще до того – фотографию его фанерного контура (всадника), установленную для примерки. Ни в проекте, ни в бронзовом подлиннике он «не показался». Памятники, устанавливаемые навечно, вообще трудное дело, требуют большой отработки художественного образа и в целом, и в деталях. А о том, что рядом со всадником еще и многометровая башня, я не знал. Интересно увидеть, как то и другое выглядит в натуре, рядом с башнями Кремля.⁸

Почему-то наши скульпторы и архитекторы, причастные к сооружению памятников, страдают гигантоманией. Но ведь не в ней же дело. Как хороши, например, на улицах и площадях Ленинграда однофигурные, но очень выразительные и художественные по образу памятники Ленину, Кирову, Пушкину. И еще: во всяком памятнике необходима хорошая, с первого взгляда, воспринимаемость и читаемость идеи памятника.

Пишу и думаю: вот мы с тобой обсуждаем, волнуемся качеством нового памятника. Для чего? Чтобы посудачить? Но очень дорога, близка и небезразлична красота родного города.

Несколько слов о других, затронутых в твоих последних письмах, «памятниках». О Молотковском каменном кресте я уже получил сведения из Новгородского музея: он никуда не перемещен, находится на старом месте в стене. Эта справка нужна была мне в связи с небольшой

⁷ Монумент Победы, возведенный к 30-летию освобождения Новгорода от фашистской оккупации.

⁸ В письме от 18.12.1974: «С памятниками Новгороду не везет. „Александр Невский“», конечно, не по городу. Да и всадник Победы – не большое приобретение». (Ед. хр. 45. Л. 13).

статьей о нем и о Людогощинском кресте, точнее о тайнописи в их надписях, которую писал осенью.

А ты спрашивал о Савво-Вишерском кресте, который отправлен в числе других экспонатов на выставку в Париже. И. Н. Сапожников правильно говорил тебе, что такого не было у дороги. Он там находился в часовне у монастыря. В музее, куда был взят, находится не на экспозиции, а в фонде, так как был испорчен чинками мастиковкой и грубой раскраской нового времени. Во время войны он не был музеем эвакуирован и был вывезен фашистами. По возвращении «из плена» находился в Москве, где был реставрирован в Центральных государственных реставрационных мастерских – удалены малярная живопись, мастиковка, раскрыта резьба XVI века, зачищено дерево. В отреставрированном виде памятник был показан на «Выставке русской деревянной скульптуры и декоративной резьбы» в Москве в 1964 году. Очень хорошая вещь.

Меня очень заинтересовало то, что ты писал в одном из последних писем о Шуйском краеведе С. Н. Ильине и его работе по исследованию «каменной-следовиков». Как ты его знаешь? Кто он? Где работает или работал? Почему интересуется камнями и занялся их регистрацией и обследованием? Пробовал ли он оформить материал, собранный им по нескольким областям, в книжку или хотя бы статью? Может быть, можно как-нибудь помочь ему в этом деле через Институт археологии Академии наук, – материал-то очень важный, и будет непростительно, если он пропадет для науки.

Возвращаюсь также к затронутой тобой выставке «Куинджи и его ученики». Когда ее забрали отсюда в Москву, предполагалось, что она снова возвратится сюда, в Академию художеств. Я не был на ней, но художники отзываются весьма одобрительно. Хотя «ученики Куинджи» представлены на выставке неравномерно и не всегда лучшими вещами. Я, как и ты, тоже люблю и Пурвита, и Фокина, и Рылова. В фондах Русского музея – в отделе живописи XVIII – н. XX веков – много его прекрасных натуральных этюдов, никогда не бывавших ни на постоянной экспозиции, ни на выставках. Я, бывало, в свободные минуты, любил подняться в запасники отдела живописи, чтобы их посмотреть. Несколько больших малоизвестных или вовсе неизвестных картин А. А. Рылова мы с Марией Гавриловной много раз видели также у его жены Сары Львовны, с которой были дружны ряд лет до ее смерти в 1963 году. Она жила почти рядом, также во «владениях» Русского музея, только в другом здании, бывала у нас, мы – у нее.

Верно – репродукций и открыток старых художников и пейзажных, и исторических особенно, сейчас почти не выпускается. При случае буду обращать внимание, хотя не часто заглядываю в книжные магазины, а куда чаще других («Академкнигу»), там их не бывает.

Спасибо за вырезку из «Новгородской правды» о мерах к охране и приведению в порядок парка в «Выбити». Им особенно интересуется и благодарит тебя Мария Гавриловна. Только не думаю, что Сельский совет, совхоз или школа что-либо сделали в этом направлении. Да и трудно восстановить как старую «английскую», так и новую «регулярную» части парка.

Я не знал, что писатель Вс. Соловьев жил в Валдае и что дом Меньшикова – в самом городе. При них тоже хорошие старые сады? Вообще жалко, что в свое время не попутешествовал по области побольше «своими ногами». Но и то сказать – при тогдашних наших «штатах» трудно было вырваться от городских дел, кроме как в разные комиссии по уездам. Между прочим, очень жалею, что во время войны и оккупации города, видимо, полностью пропали учетно-регистрационные материалы, собранные в свое время нашим Губмузеем – описания и нередко подлинные документы по усадьбам, зарисовки Сергея Конс[тантиновича] Матвиевского, фотоснимки Анат[олия] Ник[олаевича] Павловича. Все это уже не восстановимо. При А. А. Строкове и В. А. Богусевиче, я знаю, накопленные Губмузеем материалы хорошо хранились.

Жалко также, что под войну и оккупацию попал и полностью погиб уже готовый, сверстаный очередной 9-й выпуск «Новгородского исторического сборника», издававшегося нашей Секцией Института истории АН. (Выпущенный музеем сборник под тем же названием и, как-будто, с нумерацией той же серии: 9-й, не был восстановлением его материалов, они погибли полностью, со всеми черновиками и иллюстрациями, находившимися в типографии). Там у меня были две работы, о которых жалею: статья о древнейших новгородских памятниках светского шитья и материалы по живописи Знаменского собора. Ни по той, ни по другой не сохранилось ни черновиков, ни иллюстраций<...>

л. 4-5, 23.02.1974.

Дорогой Сергей Михайлович! Начинать письмо сегодня следует сразу с нескольких поздравлений. Прежде всего, с Днем Советской Армии. Хоть его и не отмечают теперь в календаре красным, но традиционный праздничный фейерверк сегодня у нас вечером будет. Я очень их люблю, они видны из нашего окна. Во-вторых (как прочел в сегодняшней газете в рубрике «погода»), продолжительность дня сегодня 10.00 часов. Значит, и до равноденствия недалеко. Не люблю длинных ночей. Наконец, – с «широкой масляницей»! Вот ее теперь не заметишь. Блины-то, наверное, испекут хоть раз Оля или Мила, без них вроде масляница не в масляницу. А ведь я на своем веку, как, верно, и ты, застали не только блины, а и другие масляничные обычаи. Катанье. Сколько, помню, катающихся выезжало (в воскресенье), вся дорога по Витке, Моторову, Трубочину была запружена ими. Притом, старались приехать понаряднее: и в лучших саночках, и в лучшей упряжи – «серебряной сбруе», у кого такая была, с блестками, и с бубенцами. А вечером, когда темнело, жгли масляницу. Тоже костры пылали на дороге и в Витке, и в Моторове, и в Трубочине...

Теперь о Голиафе, который интересует твоего любытинского знакомого – откуда он взят на сувенирную пластинку и «гот ли» это Голиаф?

Я думаю (собственно, уверен), что взят он с изображения на так называемых «Васильевских дверях». В этом убеждает и приведенная на сувенире аннотация – «Новгород. 1336 г.» 1336 год – это дата художественных дверей, устроенных для св. Софии архиепископом Василием.

Во II Новгородской летописи под 6844 (1336) г.: «архиепископ Василий у святой Софии двери медяны золочены устроил». На одной из их пластин имеется сцена единоборства Давида с Голиафом: справа великан Голиаф, слева маленькая фигура Давида с пращей, которую он замахивается на Голиафа. Так что это «тот» самый Голиаф. Только там он изображен не с «посохом», а с копьем в одной, правой, и с мечем в другой, левой, руке. В доспехах и, действительно, в шлеме. Красный цвет шлема – это, вероятно, уже домысел автора, изготовлявшего сувенир, на дверях этого нет: там все сцены на пластинках исполнены золотой наводкой по красной меди. Попутно замечу, что хотя на сувенирной пластинке отмечен «1336 г.» – это дата первоначального изготовления «Васильевских дверей» при архиепископе Василии, но не все их пластины сохранились в целости, некоторые были заменены при последующих ремонтах и чинках памятника. Пластинка со сценой «Единоборство Давида с Голиафом» принадлежит как раз к числу последних. Она входит в число тех, которые, по-видимому, сделаны в XVI веке, при Макарии в бытность его архиепископом новгородским (1526–1542).

Васильевские двери находятся сейчас в городе Александрове, куда были вывезены Иваном Грозным в 1570 году. Их бы следовало вернуть в Новгород. Я поднимал этот вопрос на археологической конференции в Новгороде, бывшей в 1968 году («Новгородская правда», 30.05.68 г.), но его, говорят, провалил М. К. Каргер (а сам не был): – «Не надо исправлять историю...»

Очень меня заинтересовало твое сообщение о мосте через Волхов около Подберезья. Это, очевидно, где-то в районе Котовиц, повыше собачьих горбов. Котовицы, Кречевицы, Собачьи Горбы, Подберезье, Водское, Витка... все это родные, с детства знакомые места. Но как же пойдет дорога дальше, перекинувшись через Волхов? Вторая большая река – М. Волховец – не будет на ее пути, но Вишеры как будто никак не миновать, значит, еще мост. Интересно бы проехать по этой новой трассе в нашем обычном пути на Крестцы, но когда еще это будет? <...>

Л. 8 об.-11, 30.05.1974.

<...>⁹ Новгород, наверное, уже полон туристов. Скоро должны прибыть и раскопщики из Москвы. С. Н. Орлов, значит, собирается копать в Антоновской роще, – вот неожиданное место.

А не так давно, в воскресенье 19 мая, в «Клубе кинопутешествий» по телевидению опять говорили об экспедиции по поискам затонувших древних кораблей на дне оз. Ильменя. Наивно так говорил руководитель экспедиции (фамилию которого я не запомнил). Не производит предприятие серьезного впечатления.

Очень интересно то, что ты рассказал в последнем письме о посещении усадеб Тюменева и Рябушкина в 20-х годах. Я почему-то представлял место жительства Рябушкиных там же, где жил С. К. Матвеевский.

На твои вопросы не на все могу ответить одинаково. Так, о новгородских связях Добужинского не располагаю особыми сведениями. Думаю,

⁹ Опущено о приметах весны.

что они не были особенно близкими, если вообще были. Это типичный художник-«петербуржец», со старой Русью, как Новгород, хоть он и был его родиной, ничем не связанный.

В период эвакуации Новгорода в 1941 году я работал ведь собственно не в музее, а в Секции Института истории АН, которую возглавлял директор музея А. А. Строков. Он еще в начале войны был призван на военную службу как политработник запаса и уехал из Новгорода. Его заместитель по музею В. А. Богусевич поехал с первым эшелонном музейных ценностей (бывшим в состоянии «первой готовности») и задержался довольно долго. Функции по музеям легли в основном на Б. К. Мантейфеля. Когда было получено долго не поступавшее разрешение закрыть музеи и готовить к эвакуации основные коллекции (по Картинной галерее, музею древнерусского искусства, Хранилищу ценностей, Историческому музею), по просьбе Строкова еще перед его отъездом, я помогал в этом деле, встретившем очень много трудностей. В назначенный экстренно день отъезда, в Городской Тройке по эвакуации меня спросили: могу ли я сопровождать ценности? Я дал согласие. С большими же трудностями мы с Борисом Константиновичем получили в военных штабах согласие на предоставление машин и живой силы на погрузку. Погрузка и доставка груза (ящиков, бочек и пр.) производилась ночью. Вокзал уже был разбит. Загрузили два предоставленных нам больших товарных вагона. В них же поместились и мы, сопровождающие. Было нам выдано продовольствие на дорогу и оружие. Вагоны вывезли подальше от вокзала, в поле, в избежание дневных налетов авиации. И там мы стояли... целых два дня. Но в город нам не позволяли отлучиться за кой-какими своими вещами: состав может тронуться в любую минуту. После мы узнали, что не мог он отправиться: впереди до Чудова была повреждена налетами дорога в нескольких местах и само Чудово разгромлено. Проезд через Чудово, где пришлось пережить новые налеты, на Волховскую ветку; ожидание переправы через Волхов на запасных путях, забитых скопившимися вагонами до такой степени, что невозможно было представить, как удастся выбраться; полная неизвестность обстановки; неожиданный переезд через реку тоже ночью; руины на месте станций до Тихвина; постепенное медленное продвижение на восток... Наконец, прибытие в Киров, когда Новгород был уже оставлен нашими войсками.

В Кирове для музейных ценностей, эвакуированных из Ленинграда, Новгорода, Пскова и других мест, была предоставлена большая закрытая церковь. Наркомпросом (который уже находился там) и облисполкомом была организована Комиссия для учета и проверки ценностей, в которую был включен и я. Жили мы в Кирове около месяца, когда я получил направление на работу в Тюмень в Пединститут. Б. К. Мантейфель еще оставался в Кирове на некоторое время.

На другой день после отъезда нашего эшелона из Новгорода началась погрузка последней очереди – наиболее громоздких предметов – уже на баржи, для эвакуации водным путем. Одна из двух баржей, поданных к Кремлю, около бывшего моста, с погруженными на нее колоколами, была разбита во время очередного налета авиации и затонула.

Другая смогла уплыть, благополучно миновала весь Волхов, Ладожский канал, Свирь, Мариинскую систему, прибыла в Кириллов. На ней, между прочим, находились Сигтунские врата. Кстати, Сигтунские врата, точнее находящаяся на них фигура «мастера Аврама», упоминается в числе «загадок» в присланной тобой статье Бочарова из «Новгородской Правды».

Что сказать тебе о статье и ее авторе? Это научный сотрудник института истории искусств в Москве. Лично его я не знаю. Несколько лет назад вышла его книга о прикладном искусстве древнего Новгорода, неплохая. Там, в Москве, в частности, в Институте истории искусств, есть ряд талантливых молодых научных работников-древнерусников: Вздорнов, Попов, Рындина и др. И пишут они не плохо, но иногда с излишней склонностью к новым идеям и толкованиям материала, притом подчас слишком «учено», усложненным языком. Особенно этим увлекается Ольга Сигизмундовна Попова, составившая уже репутацию крупной ученой силы. Кокетничают своей ученостью. Более «надежными» и основательными мне кажутся московские древнерусники из «музейщиков», прошедшие многолетнюю суровую музейную школу непосредственного общения с материалом, такие как Валентина Ивановна Антонова (по живописи), Марина Михайлова Постникова и Татьяна Васильевна Николаева (по прикладному искусству), Нат[алья] А[лександровна] Маясова (по шитью).

А среди молодых университетских и академических ученых гремит сейчас в Москве Аверинцев, потрясающий всех своей ученостью и эрудицией в области и античной, и византийской, и западной философии и литературы. Но говорит и пишет тоже очень осложнено. Читаешь-читаешь, пытаешься добраться до сути, и иногда обнаруживаешь пустяковые, общеизвестные истины. Но «ученость» и «аппарат» к ним привлечены невероятные.

Кстати, хочу тебя спросить: что ты помнишь из истории Византии о движении исихастов? И как привык представлять сущность этого религиозно-философского учения, в особенности в последние века Византийской империи – как монашеско-аскетического или прогрессивного, чуть ли не ренессансного общественного движения?<...>

Л. 14 об.-15, 14.04.1975.

<...> Исихазмом я интересовался и копался в нем в связи с вопросом русской культуры и искусства XIV века, в частности наших новгородских памятников Спаса на Ильине, в котором работал Феофан Грек, и Волотова. В последнее время этому явлению византийской культуры (исихазму) в нашей литературе уделяли очень много внимания. Суть разногласий сводится к тому – считать ли это движение фактом зарождения новой, прогрессивной, «предвозрожденческой» культуры или, наоборот, реакционной, монашеско-аскетической, нетерпимой к свободе человеческого духа, типичной для Византии периода ее упадка и заката. В Спасских феофановских фресках черты влияния идеологии исихазма несомненны. В Волотове их нет. Ставить волотовскую живопись во след за Спасской, как «продолжение Феофана» (что делает В. Н. Ла-

зарев) кажется мне глубоко неправильным, антиисторичным. Тем более, что делается это вопреки точным летописным датам той и другой (1363–1378). Эту и всю сопутствующую мотивировку изложил я в статье, напечатанной в Сборнике Института археологии, изданном к 70-летию М. К. Каргера. (Оттисков из него не делали, поэтому не могу при-слать).

Но Бог с ним, с исихазмом.

Повести Ген[надия] Гора, о которой ты пишешь, с характеристикой П. Флоренского, как ученого и мыслителя универсала, типа Леонардо да Винчи, я, к сожалению, не читал. В Каталоге выставки «Русский портрет», изданном Русским музеем, на портрете-картине Нестерова «Философы», он характеризуется почти теми же словами: «Философ-священник Павел Флоренский, впоследствии ученый математик, физик, филолог, инженер-изобретатель»... все так, только не «впоследствии», он и тогда был им. Что его заставило бросить свои светские специальные дипломы, пойти в Духовную академию, мало того, стать священником? Вероятно, именно философия. И я хорошо помню его хорошо оформленную диссертацию «Столп и утверждение истины». О семиотике сейчас довольно часто пишут искусствоведы-древнерусники, особенно московские, в частности, Г. К. Вагнер. Он – серьезно, а большинство мелко, поверхностно. <...>¹⁰

Л. 16–16 об., 17 об., 10.06.1975.

<...> Слабеть понемногу или побольше – это неизбежная участь на наших жизненных рубежах, лучше, конечно, без помощи тому со стороны каких-нибудь особых недров. И лучше также если мысли о неизбежном увядании не подавляют памяти о прошедшей поре «цветения». На последнем курсе академии был у меня альбом, в котором я собирал автографы всех товарищей-однокурсников. Помнишь ли ты, что написал в нем? Я помню, хотя альбомчика и не сохранилось: «Никогда и ни за что не буду проклинать судьбу. Все ей прощу за то одно, что сохранит она в душе память о прошлом» <...>¹¹ Вчерашний день вспоминал я памятный с детских лет праздник в Витке – «обретение», как его называли, не вкладывая в это слово какого-либо содержания. 27 мая «по старому».

Обычно ясный, погожий день. Широкий разлив реки. Сотни (а, может, тысячи) народа из других деревень и из города (все утро из Новгорода до платформы Витка ходили специальные поезда!) Ярмарка с десятками палаток. Специально чайный, как тогда называли, балаган – большое дощатое сооружение с кипяtilьным кубом около него, с самоварами. Мороженщики из города, «Крестные ходы» – свой и из соседнего села Водское. В общем, яркое запомнившееся зрелище <...>

¹⁰ Далее: о языке «невероятной «учености» научных трудов молодых московских ученых.

¹¹ Опущено: о новых книгах по истории и искусству Новгорода.

¹² Опущено: о приметах осени, о работе Ленинградского Бюро туризма и экскурсий, о новостях научной и художественной жизни в Чернигове, Новгороде, Ленинграде.

<...>¹² Очень интересно, что ты пишешь о предполагаемом праздновании юбилея реального училища в Новгороде. Говоришь: Н. Н. Сапожников помнит из учителей Вл. Петр. Боброва. В его время там была и такая колоритная фигура, как Болотинов. Не знаю, каким он был на уроках, но вообще это был редкий тип «враля», известный по литературе. Враля «вдохновенного», бескорыстного. Был в наше время еще один беспардонный вралья – Владимир Васильевич Передольский, но у того все из сознательного расчета. (Хотелось бы как-нибудь написать о них поподробнее. Редкие типы).

А последнего директора бывшего Реального училища, Иевлева, и я хорошо помню. Так же, как последних директоров других средних учебных заведений Новгорода: гимназии мужской – Груздева, гимназии женской – Сераф. Ант. Хоцевич, городского училища – Николаева, Учительской семинарии – Соболева и и. о. по Духовной семинарии – А. Н. Моденского. Помню по работе в коллегии Губернского отдела народного образования, когда приходилось участвовать в переводе всех этих учебных заведений – в новое, советское «подданство». Они постоянно бывали в отделе, на заседаниях коллегии по разным касающимся их делам, потом стали заведующими первых ССШ¹³ <...>

<...>¹⁴ Откуда это ты раскопал интереснейшие сведения о Юрьевских садах? Некоторые из этих садов я помню, особенно тот, что был внутри монастыря, в южной его половине. Как, наверное, помнишь и ты. А, вот, от тех посадок, что были по берегу Волхова, и в наше время уже ничего не оставалось, кроме пеньков кое-где. Оказывается, была даже каменная набережная «длиною на 150 сажен»! и еще «каменная береговая гавань» на 40 сажен! Как все это, вместе взятое, было солидно и внушительно.

В связи с этим – я снова за свое, за разговор, по теме которого ты не хочешь высказать своего мнения. Сколько, как видно, у тебя набирается подобных интереснейших сведений о старом Новгороде, его истории XVIII–XIX веков! Уверен, что их у тебя еще десятки, если не сотни – таких же мало кому уже известных фактов. Юрьевские сады и набережные, Антоновская роща, Летний сад... Писать!.. писать!.. Кто еще может сделать это?

<...> Мои синицы, которых и я подкармливал зимой, тоже, видимо, улетели.¹⁵ Хотя весна все еще не может утвердиться вполне убедитель-

¹³ Средних специальных школ.

¹⁴ Опущено: отношение к строительству в Новгороде нового здания театра, появлению лавки букиниста, рассуждения об идеях реставрации помещичьих усадеб и парков, о передаче Русскому музею Строгановского дворца и др.

¹⁵ В письме от 17.11.1975: «Не люблю голубей, этих „святых“ бездельников. А вот против срых ворон, которых довольно много, – представь – ничего не имею, во всяком случае, предпочитаю, они ближе к природе. Так же, как и простячки-воробьи. Появляются иногда красавцы снегири. Нынче порядочно синичек. Для них ежедневно сервируем стол у одного из своих окон. Приятно смотреть на этих подвижных пичужек с желтыми

но. Вообще – пора бы. Помнишь, в это время уже сухие тротуары на Невском, долгие ясные вечера с догорающей за Адмиралтейством зарей? «Вербь» на Конюшенном и Конногвардейском бульварах...

А дома, в своих местах, белые пушистые вербы без кавычек, сережки на ольхе, канавы, полные водой.. По утрам и вечерам – долгие песни скворцов на верхушках берез, а днем, где-то в просторах неба, над полями, уже и жаворонки... «для души поют, а не для славы» (это – из хорошей песни «Дрозды», которую передают по радио и я очень люблю). Как все это уже бесконечно далеко!

Предвижу: может ты улыбнешься – «и это все о Витке... свойственная моему возрасту поэтизация». Да, о Витке. Только не о теперешней – измызанной, истоптанной, истощенной пожарами (еще дореволюционного времени), войной, разрухой, бесхозяйственностью. Где уже и садов нет, где уже не река, а унылое, безжизненное, стоячее болото, в котором искупаться и не подумать, а брать воду для питья – противно или даже запрещено.

А о Витке моего детства и юности. Когда три приходских деревни: сама Витка, Моторово и Трубичино утопали в вековых деревьях, на которых об эту пору шла оживленная грачиная жизнь. Когда на речке начинался ледоход, а за ним обе слившиеся реки, Витка и Питьба, разливались шире, чем на километр, и в этом разливе несколько местных артелей рыбаков ловили жирных, как поросята, язей и лещей, шедших сюда на нерест. А повыше деревни стояла водяная мельница – с плотинной, с омутом, казавшимся нам бездонным (шутки-шутками, а как-то мы с Иваном Ивановичем Знаменским с лодки самодельным «лотом» намерили в этом омуте более 3-х сажень глубины!) и даже с чернокижником и колдуном мельником Андреем Ивановичем. А еще повыше мельницы, в «кряжах», по гористым берегам остатки дубовых и орешниковых зарослей, ландыши, земляника, цвет которой мы ходили заготавливать для «лекарственных целей», на реке, чуть не под каждым кустом, выводки диких уток. О цветах, которых почему-то вовсе не стало, я уж не говорю. Все это – не фантазия. <...>

Л. 40 об. 42, 29.05.1976.

<...>¹⁶ Спасибо тебе за материалы о новгородских местах, в частности о витенских, которыми ты делишься. Стипенка, Наволок... Я и не знал, что они когда-то входили в состав митрополичьей вотчины в Кречневском погосте. Думаю, что и Ветка – это все же, Витка. А вот не значит Моторово, оно, очевидно, носило другое название. Впрочем, может быть, что границы Кречневского погоста до тех мест не доходили, там уже был другой погост (Покровский, где была «старая церковь»).

Достройка начатого в дни прошлой германской войны 1914–1917 годов моста и использование построенных тогда на Волхове близь Юрье-

грудками и зелеными спинками. Только теперь понял, что именно их ловил я в Витке, приезжая домой в праздники, на черемухе перед задними окнами нашего дома. Тогда я их почему-то считал чижиками». (Ед. хр. 45. Л. 26 об.).

¹⁶ Опущено: о приметах текущей весны.

ва монастыря устоев, конечно, дело маловероятное, да еще в целях объединения Григоровского и Савинского «лесопарков» (Кстати, я не знал, что существуют такие).

Заметку о проекте реставрации церкви в селе Бурегах возвращаю. До чего музейно-реставрационные органы стали заботливы по отношению к памятникам, не всегда того и заслуживающим.

А вот, не слышал ли и не знаешь ли, какие реставрационные работы производились в Антонове, в соборе монастыря? Как раз вчера, 28 мая, о них делал доклад в здешнем отделении Института археологии производивший их сотрудник Новгородской архитектурно-реставрационной мастерской Г. М. Штендер, открывший якобы потрясающие вещи. Мне, но уже вечером, звонили о его докладе, бывшем в 2 часа дня, и о том, что он очень хотел пригласить меня на это заседание.

В одном из зимних писем я писал тебе о непонятном нападении среди бела дня на академика Дм. Серг. Лихачева, когда ему какой-то парень ударом в грудь повредил два ребра. С Дмитрием Сергеевичем продолжают происходить какие-то непонятные вещи. В ночь на 1-е мая было покушение на его городскую квартиру. Он и вся семья были на их академической даче в Комаровс, городская квартира была пуста. Какие-то люди покушались взломать дверь и попасть в квартиру, но не могли одолеть крепкую дверь. Тогда они попытались поджечь квартиру посредством просунутого резинового шланга с бензином. Возясь над дверью, они включили сигнализацию, которую случайно услышал один из жильцов по той же лестнице и вышел. Услышав его шаги, злоумышленники убежали, оставив свои приспособления: шланг и 20-литровую канистру с бензином... Ведется следствие. Дмитрий Сергеевич был на той поре в Болгарии, откуда возвратился только позавчера. Он пользуется там огромным уважением.

Продолжают уходить старые древнерусники. Я писал тебе о В. Н. Лазареве и А. Н. Свирине. 2 мая умер Вл. Ив. Малышев, большой знаток и собиратель древнерусских книг и рукописей, основатель собрания их в Пушкинском Доме. А. Н.,¹⁷ человек не так уж и старый, член партии. Рассказывали, что собравшиеся на его похороны в Пушкинский Дом были удивлены тем, что их долго не впускали в зал. Как оказалось, над ним творил там какой-то обряд выписанный – по его воле – из Москвы, с Рогожского кладбища старообрядческий священник, или я не знаю кто («дьякон», как говорили незнающие сотрудницы нашего отдела, бывшие там).

Я давно был знаком с Владимиром Ивановичем, с тех пор, как еще вскоре после войны консультировал его по части иконографии протопопа Аввакума, которым он занимался всю жизнь; знал, что он близок с покойным Фед. Ант. Каликиным; что он много лет ездил по старообрядческим местам Севера, собирая древние рукописи; между прочим, по его указанию рекомендовал Косте Митропольскому, точнее его дочери, в Вильнюсе какого-то Ивана Исаевича Егорова, как лучшего знатока

¹⁷ Так в тексте.

истории русских старообрядческих поселений в Литве, но вот с этой стороны не знал Владимира Ивановича... Чего не бывает!

Это все печальные вести. Но вот на прошлой неделе в Москве справил 85-летний юбилей еще один древнерусник – Ник. Ник. Померанцев. Пишет: сам удивляюсь – столько лет, а еще работаю... Он работает в Центральных реставрационных мастерских им. Грабаря. Да ты, наверное, знаешь и помнишь его. Он, тогда еще молодым, бывал секретарем Всероссийской Комиссии по делам реставрации, которую возглавлял Игорь Эммануилович Грабарь и в которой тогда, в 20-х годах, участвовали А. И. Анисимов, П. П. Муратов, Г. О. Чириков, П. И. Юкин <...>

Л. 55-56 об. 22.03.1977.

<...> В давние годы, когда еще не было фотоаппарата, летом, во время отпуска, я делал много зарисовок. Они остались под войну в Новгороде и, конечно, погибли. Вот их иногда жалею. А еще больше – оставшегося и тоже погибшего альбома (даже двух, одного еще студенческого) с автографами. Во втором, 20-х–30-х годов, было много записей людей, которых уже давно нет, рисунки пером, акварелью, гуашью И. П. Сычева, К. К. Романова, П. Д. Сухова, К. С. Петрова-Водкина, С. В. Герасимова, П. П. Кончаловского, Н. М. Чернышова и др.

О проекте воссоздания в Новгороде «Гостинного двора» я читал. Отдельные номера «Новгородской правды», или вырезки из них, с подобного рода материалами мне присылает иногда брат Иван Григорьевич, а чаще Семен Иванович Пустовойтов. Крупный замысел. Во многих городах сейчас возникают проекты реставрации построек XVIII и даже XIX веков. Что ж? В некоторых случаях это неплохо. Сумеют ли новгородские реставраторы справиться с этой довольно сложной задачей – другой вопрос. Дело идет об архитектурной организации большого и важного участка в центре Торговой стороны.

Не ясно представляю себе замысел реставрации Десятинного монастыря. Передняя стена, колокольня..., а что предполагают делать дальше с монастырем в целом? Значение своего открытия с собором Антоньева монастыря Г. М. Штендер по-видимому несколько преувеличивает. По-видимому, верно: здание первоначально было построено не шести-столпным,¹⁸ как предполагалось до сих пор, а четырехстолпным.¹⁹ В шестистолпное оно превращено позднее, но очень рано, путем пристройки западной (запстрихованной) части. Это отличает его от других больших соборов начала XII века в Новгороде Никольского и Георгиевского. Но почему зодчий, кто бы он ни был (привившееся имя Петра заманчиво, но очень проблематично) не мог задумать и возвести четырехстолпное здание?

Г. М. Штендер очень активно пропагандирует и свои открытия по части древней архитектуры и Киева, и Смоленска. Делал о них доклады и в Ленинграде, и в Москве. В свой приезд в Ленинград он более часа рассказывал мне по телефону о своих изысканиях и относительно древ-

¹⁸ Далее идет рисунок – план здания с запстрихованной нижней частью, р. 1,5 × 1,2 см.

¹⁹ Далее идет рисунок – план здания, р. 1,3 × 1,2 см.

нейшей топографии Новгородского кремля, опровергая В. Л. Янина. Ну, как говорится, Бог с ним. Не знаю дальнейшего развития этих идей о Новгородском кремле. Янин тоже очень напористый и самостоятельный человек.

Из наших ленинградских новостей самая главная – смена руководства в Русском музее. История с его директором В. А. Пушкаревым тянулась с прошлой осени, когда комиссией КРУ были установлены какие-то неполадки в его деятельности, за которые он получил партийный выговор и уплатил довольно большой начет. Вопрос о его снятии с должности (он был директором более 25 лет) тянулся несколько месяцев и завершился только в феврале. Он освобожден (правда, пристойно: с увольнением, по собственной просьбе, на пенсию). На место директора ГРМ назначено новое лицо – секретарь Дзержинского райкома Ленинграда товарищ Новожилова. В Русском музее впервые директор женщина. Вообще музей почти полностью стал женским. Из всех 9-ти отделов только в одном заведующий мужчина. Заместитель директора по научной части, ученый секретарь, главный хранитель – все женщины, да и среди научных сотрудников мужчин почти нет²⁰ <...>

Л. 57–58 об., 01.04.1977.

Благодаря твоему письму, дорогой мой, я точно окунулся в ученические годы и свою классную среду. Думал я, что она почти совсем ушла из памяти. Твой список товарищей и мастерски набросанные их портреты показали, что это не так. Многие соклассники, которых, казалось, полностью забыл, даже по фамилиям, ожили вдруг с их внешними и внутренними портретами.

Мало кого довелось увидеть за десятилетия протекшие с тех далеких, давних лет. Задумываясь над этим, знаешь, я пришел к мысли, что, может быть, этот закон жизни и не плох. Сейчас школьные товарищи воскресают в памяти в их чистом, светлом юношеском облике. Кто знает, какими за шесть десятилетий сделала их жизнь? Да не просто шесть календарных десятилетий, хоть и этого много, а время, какого не знали наши отцы и деды, в какое пришлось нам жить.

Ты по справедливости начал свои припоминания с Владимира Петровича Боброва. Не знаю, кто еще мог бы остаться на всю жизнь таким кристально светлым человеком, человеком глубочайшей культуры, незамутненной порядочности. Бесконечно жалко, что он рано ушел из жизни.

Но ты не всех назвал в своем списке. Вспоминаются еще Б. Крылов, В. (Панькин), И. Соловьев, Н. В. Устрицкий, с которым три класса сидел на одной парте... Он-то жив?

В прилагаемом списке я попробовал перечислить академических наших однокурсников. Они как-то свежее в памяти. Вероятно, и из них уже никого не осталось в живых. Я называл тех, о смерти которых определенно знаю: Запольского, Петровского, Зерчанинова, Покровского, Хоменко. Жены Зерчанинова и Запольского живы. С ними мы переписи-

²⁰ Далее приметы текущей весны.

сываемся по праздникам (большей частью Мария Гавриловна). Серафима Ивановна Запольская живет в Херсоне; Мария Александровна Зерчанинова – в Москве. Последнее поздравление от нее получили к празднику Великой Октябрьской Революции 76 года, писала, что очень плохо себя чувствует и ложится в больницу. На новогоднее наше приветствие не ответила – ни она сама, ни сын Лева, ни его жена Зоя. Не знаю, как она сейчас.

В прошлом письме я писал тебе, что Русский музей, с которым сроднился я за последние 30 с лишним лет и с которым не порываю пока связи по должности члена Уч[еного] Совета, стал полностью женским. Еще в 1945 году, когда я получил в Тюмени вызов из него и приехал в Ленинград, почти все его руководство состояло из мужчин: директор (П. К. Балтун), заместитель директора по научной части (Г. Е. Лебедев), главный хранитель (Мстисл. Вл. Фармаковский), заведующий отделом живописи (А. Н. Савинов), заведующий отделом скульптуры (Гр. М. Пресняков), заведующий отделом графики (П. Е. Корнилов), заведующий отделом прикладного искусства (Б. Н. Эмме). Среди заведующих отделами была только одна женщина (отдел народного искусства, М. Н. Каменская). Теперь только в одном отделе живописи остался заведующим мужчина – Ник. Ник. Новоуспенский. Да и научных сотрудников-мужчин в музее считанные единицы. В отделе древнерусского искусства, например, ни одного; тоже в отделах скульптуры, прикладного искусства; в отделах графики, народного искусства – по одному. Количество посетителей музея все растет. Сейчас – в год уже перевалило за полтора миллиона. Нынче летом в Ленинграде и Москве будет происходить очень большой международный музейный симпозиум, с Ленинградской его части – на базе Эрмитажа и Русского музея. Сейчас ремонтируются и благоустраиваются экспозиционные залы, запасники, реставрационные мастерские, лекторий и прочее.

Иностранных туристов и сейчас, зимой и весной, очень много, как, впрочем, и своих отечественных, (туризм и поездки по стране всеми способами: поездами, автобусами, самолетами – развились так широко, как в наше время можно было только мечтать).

Ленинград полон красными автобусами с надписью «Inturist». У Русского музея, у церкви Воскресения на крови, около которой наш дом, они стоят почти непрерывно. Все в них с фотоаппаратами, все снимают и снимают. И около этих автобусов неизменно околачивается наша длинноволосая шпана, позорящая советскую страну. Ненавижу этих длинноволосых бездельников, бегающих от милиции. <...>

Л. 68 об.-70об., 09.01.1978.

<...>²¹ В последнем письме ты писал, что на почве собирания фотографий старого Новгорода ты познакомился с военным доктором Б. И. Андреевым. Я думал, что в Новгороде уже не осталось старых новгородцев, интересующихся древностями своего города. Этот доктор,

²¹ Опушено о последних выставках в Русском музее.

пишешь, родной племянник покойного академика Н. П. Лихачева и хорошо осведомлен о превратностях музея и библиотеки последнего. Мне довелось быть знакомым с Николаем Петровичем. Я посылал ему фотографии новых находок вислых свинцовых печатей, а иногда, при поездках в Ленинград, завозил их ему лично. (Кстати, он неизменно восхищался качеством фотографий А. Н. Павловича и говорил, что в Ленинграде ему редко удастся добиваться такого же качества). В его квартире-музее на Петрозаводской улице довелось бывать несколько раз. Да, печальной оказалась их судьба. До сих пор не ясно ее представляю. Например, части его громадного собрания сфрагистики, которую я специально интересовался, находил я в разных местах: в Эрмитаже, в архиве Ленинградского отделения Института Истории, в антирелигиозном музее – Казанском соборе. Очевидно, такая же непонятная судьба постигла и некоторые из других собраний его музея. Как-то покойный Федор Антонович Каликин предложил к покупке в Русский музей свое небольшое собрание каменных резных иконок, которое я был направлен осмотреть у него на квартире. Собрание оказалось небольшим, около 20 экземпляров, но в научном отношении очень интересным, содержащим ряд замечательных памятников XII, XIII, XIV, XV, XVI веков. Достает он из шкафа деревянную коробку, в которой они лежали, перебираю их и вдруг застаю от изумления: вижу среди них знаменитую каменную иконку Богородицы под романской арочкой из собрания Н. П. Лихачева, изданную Д. В. Айналовым (в «Трудах Новгородского церковно-археологического общества, I том) и потом исчезнувшую с точки зрения науки. Спрашиваю у Федора Антоновича: – А эта вещь как к Вам попала? Он вроде немного смутился, потом говорит: «Приобрел ее у Николая Ивановича Репникова (тогда уже умершего) в числе других». Так это или не так? Установить было невозможно. Ну, а как она могла попасть к Репникову? Теперь эта выдающаяся вещь – в собрании Русского музея.

Раз доктор Б. И. Андреев близкий родственник Николая Петровича Лихачева, не можешь ли ты, при случае, узнать у него, как приходится тому здравствующий академик Дмитрий Сергеевич Лихачев. Давно с ним знаком, но не представляю их родственной связи. Не может быть, что просто однофамильцы.

В связи с последним Съездом художников ты правильно пишешь, что среди массы новых фамилий уже редко мелькают старые, известные мастера. То же самое и по Ленинграду: кажется, не так уж давно я отошел от непосредственного общения с художниками (по работе в Русском музее), но на выставках и в печати встречаю не так уж много знакомых мастеров: Ярослав Николаев, Угаров, Подлясский, Моисеенко, Мыльников, Орешников, Серебряный ... а то все новые и новые...

Ты, наверное, удовлетворен и рад, что в числе получивших к новому году государственные премии оказалась Лидия Исаковна Бродская, которую уважаешь и любишь.

Что касается недавно показанной тебе в областной библиотеке книжки Глашинской о Новгородской картинной галерее, издание 1941 года, то автор ее – Леонида Михайловна Глашинская, заведовавшая тогда галереей, жена Владимира Андреевича Богусевича, тогда заместителя ди-

ректора музея А. А. Строкова. В начале войны он вывозил на восток ценности новгородских музеев. Не помню, не уехала ли с ним и жена, во всяком случае, ее при окончательном свертывании и эвакуации музеев не было. Владимир Андреевич возвратился в Новгород на несколько дней уже после того, как с большим эшелоном – последним по уже разрушенной железной дороге, – уехали в качестве сопровождающих мы с Борисом Константиновичем Мантейфелем. Богусевич потом был призван в армию и воевал. По окончании войны задержался в Киеве, работал в Институте археологии Украинской Академии Наук. Живет там, в Киеве, и сейчас, хотя по болезни уже не работает. Вместе с ним живет там и жена Леонила Михайловна. Мы с ним изредка переписываемся (преимущественно по праздникам) <...>²²

Л. 80, 25.04.1978. Дорогой Сергей Михайлович!

Поздравляю тебя, Олю, Милу с мужем и дочерью, всю вашу семью, с добрым весенним праздником 1 Мая! Примите от нас с Марусей пожелания здоровья, весеннего настроения и хорошего наступающего лета.

Нынешний Первомай совпал с другим вековым весенним праздником – Пасхой. Я долгое время был не городским, а деревенским человеком, детские, да и юношеские, уже студенческие, годы связаны с воспоминаниями этого праздника именно в деревне (конечно, незабываемой Витке).

Одно из самых прочных до сих пор – через ряд десятилетий – свежих воспоминаний – минуты ночью, вернее ранним утром, на рассвете, которые регулярно каждый год проводил на улице, перед домом, у угла нашего сада. Предраассветная тишина, первые звуки пробуждавшейся к новому дню природы навсегда оставили след в душе. Когда-то, так же невообразимо давно, этим настроениям я даже посвятил «поэтические» строки в известной тебе «Витской волне».

Я стоял у сада и смотрел.
Было утро холодно и ясно.
Всё кругом так тихо и прскрасно.
Я стоял и слушал, и смотрел.
На залах негромко галка прокричала.
Вслед за ней скворец негромко просвистел.
За рёской, всплывая, солнце заиграло.
Я стоял, всё слушал и смотрел...

Давно уже нет ни того сада, ни дома, ни огромных берез перед передним и задним его фасадами. Не знаю, разливается ли теперь на километр-два река. Но все это навсегда чудесно врезалось в память, и как не быть ей за это благодарным.

Еще раз всего вам доброго.

Твой Н. Порфиридов.²³

²² Опущено обозрение о знакомстве с текущей литературой, периодическими изданиями.

²³ Написано на внутреннем развороте открытки с первомайской тематикой.

Хоть и нехорошо начинать письмо с погоды, а ничего не поделаешь – таково нынче год. Ведь что это такое?

Сентябрь.²⁴ Вспоминается множество, более 80-ти, пережитых за жизнь сентябрей. Ну, конечно, бывали и пасмурные, дождливые в это время дни. Но в обобщенной картине вспоминаются не они.

Витка. Ясная, теплая пора. Желтеющие и мягко опадающие деревья. Разлив реки, в иные годы напоминающий весенний, но не от дождей. Неспешная уборка летнего урожая с садов и огородов. Яблоки, переселяющиеся с яблонь на мезонин. Там же груды рассыпанных по полу на подстилках ягод: брусники, клюквы...

Новгород. Кремль. Такой же обильный, дозревающий сад во дворе училища. Отягощенные плодами две большие груши в глубине его. Сами груши, плоды на них, мелкие, летом несъедобные, в эту пору уже аппетитные. Еще ближе к углу сада, за поленницами дров, огромная старая дуля, осыпанная большими, румяными и налитыми – вкуснейшими! – Оля, наверное, помнит – плодами. За забором такой же обвисший яблоками большой архиерейский сад. Тихий Волхов с освещенными по вечерам пароходами...

Антоново. Утренний рейс туда к 9-ти часам по сухой дорожке по берегу Волхова. Сухая, уютная роща в большую перемену, с главной дубовой аллеей, усыпанной желудями...

Походы за город – в студенческую пору, когда в 1916 (!) году начал уже подготовку кандидатской работы о новгородских росписях: Нередица, Волоотово, Ковалево – сколько хороших часов, проведенных там.

Словом, сентябри вспоминаются сухими, погожими, теплыми, не погожими на нынешний. Каждый день по утрам слышим по радио или видим на своем приборе: +10 (это еще хорошо), а то 7, 6, 5 градусов тепла, а вчера и сегодня: 0; серый хмурый рассвет, часто уже с дождем и мокрыми крышами. А вечером, в последних известиях по телевизору, обозреватели Чистякова, Громова, Шендакова вновь показывают на карте надвигающийся откуда-нибудь с Атлантиды или Северного океана циклон, несущий все ту же ненастную погоду на наш несчастный северный край...

Ну, побрюзжал, жалуясь на погоду, хватит. Она вдвойне ненавистна еще потому, что, очевидно, она обусловлена надоедливым, противное состояние «ОРЗ», от которого не могу избавиться вторую неделю.

Впрочем, еще один «сезонный» вопрос. На днях нам прислали из деревни посылочку с осенними дарами природы, в числе их любимая нами рябина – красная и черная – и несколько гроздьев калины. Помним, что, кажется, и вы ее уважаете. Не сообщите ли, что с нею делают, как заготавливает ее Оля, и от чего она, калина, «помогает»? <...>²⁵

²⁴ Здесь и далее выделено автором письма.

²⁵ Далее о юбилейных толстовских днях.

<...>²⁶ В Новгороде опять идут какие-то большие мостовые работы? Недавно видел в «Новгородской правде» объявление: «К сведению новгородцев. Начались работы по реконструкции старого моста через Волхов», в связи с чем ограничено движение по нему транспорта и пешеходов. Это объявление не так удивило, как другое, в связи с ним: начались работы по строительству подземного перехода на пересечении проспектов В. И. Ленина и Ю. Гагарина. Вот это здорово! Переход там действительно нужен. Но не приходило в голову, что город возьмется за такие работы. Вот еще один объект для наблюдений вновь организованной в городе Секции Института истории Академии наук.

Об организации ее говорили и писали уже несколько раз, но, кажется, только теперь эти разговоры стали реальностью. В. Л. Янину удалось добиться осуществления этой идеи, правда, не совсем в тех организационных формах, как это было до войны: теперь она будет подчинена Ленинградскому отделению Института истории Академии наук. Штат, кажется, намечается в составе 7-8 сотрудников, но пока имеется вроде 3-4 человека. Возглавляет секцию бывший доцент Новгородского пединститута В. Д. Васильев. Кто это? Эти сведения беру из письма С. Н. Орлова. Удивила одна его фраза: «Программа секции определена от наших дней и не опускается глубже эпохи Петра I». Как же это так? По-моему, в Новгороде главное, все же, не XVIII и XIX века, а более глубокие древности <...>

<...> Благодарю тебя за два последних письма – от 16-го и 18-го мая. Во втором из них ты вроде извиняешься за «оплошку» с ранним поздравлением с днем рождения. Не все ли равно: несколькими днями раньше или позже? Тем приятнее, что оно несколько дней одно лежало на письменном столе, ожидая других, которым, собственно, не знаю: радоваться или огорчаться... Они и сейчас лежат еще перед глазами. Так быстро летит время. Они, как и другие приметы прошедшего дня 21 мая, – (доцветающие нарциссы, пионы, незабудки) – напоминают, что прошла уже неделя, как живу под новой паспортной рубрикой: уже 87-й, а не 86-й. Догнал тебя. Часто сам не верю этим цифрам.

А товарищеских поздравлений – от школьных и студенческих одноклассников – с каждым годом меньше и меньше. Кроме твоего, получил приветствие (как всегда, с опозданием) от Васи Весского. Костя Митропольский, вообще более аккуратный на переписку, не прислал. Это меня не беспокоит, так как недавно имел от него два послания. Хоть он и бодрится насчет здоровья и самочувствия, но, видно, надо принимать с ограничением и то и другое. Он и пок[ойный] В. П. Бобров, которого нет уже много лет, были первыми самыми близкими моими товарищами в годы, когда окончил школу дома, в деревне, и перебрался на учебу в город, в училище.

²⁶ Опушено о приметах текущей весны.

Не стало писем от товарищей более поздней, студенческой поры: Зерчанинова, Хоменки, Петровского Анфира, с которым никогда не был близок, но который почему-то вдруг стал одним из самых аккуратных корреспондентов, хотя со студенческих лет и не виделся с ним ни разу. Да, ушел и Кулагин.

Уходят не только люди, но и привычные места, с которыми была связана часть жизни. Много ли осталось от «нашего» Антонова, от старого Обводного канала? Про родную Витку, в которой вырос, уж и не говорю.

Возвращаюсь еще раз к ландышам на твоей поздравительной карточке, о которых уже писал.²⁷ Да, их нынче не было в натуре на улицах, как прежде. Призывы в газетах не рвать их продолжают. Не думаю, что они вовсе исчезнут уже на нашем веку, но около больших городов, очевидно, к этому уже близко. Если придется летом поехать на Сиверскую, посмотрим, целы ли там знакомые их места. С восторгом каждый год встречаю там «Ивановскую травку», знаешь ее?

Меня заинтересовал и тоже, как и тебе, показался непонятным факт оккупации новгородских кладбищ чайками, изгонявшими оттуда обычное население мелких птиц. И в этой области происходят какие то непривычные явления. В птичьем мире мне тоже кое-что представляется непонятным. Что с весной исчезли из города синицы, снегири – это так бывает ежегодно: переселяются «на природу». Но хожу я ежедневно по утрам часа на два прогуляться и посидеть в Михайловском саду. Обычно всегда любовался на стрижей, которые в большом количестве летом над садом, над церковью Воскресения. Нынче их почему то нет, куда они делись? Не прилетели еще? Но в газетных заметках о природе уже неоднократно были сообщения об их прилете. Загадочно и непонятно.

Май стоит здесь необыкновенно погожий: что ни день – солнечно, тепло, даже жарко: 25, 27, 28 градусов. И мало дождя. Для города-то это ничего, но если так и в районах – это опять не очень удачно и для посевов, и для травы. Хотя, по газетной информации, местами по стране мешают именно дожди и необыкновенно большие паводки <...>

²⁷ В письме от 11.05.1971: «Великолепная карточка с изображением ландышей, лежащая сейчас передо мной, радует и наводит на грустные размышления. Радует напоминанием живых цветов, принадлежащих к числу любимых. Ландышей было много и в нашей Витке, и в Выбитях, там даже зимой. Бывали они в эту пору и у нас здесь. А вот теперь нет, и не только по причине нынешней запоздалой весны, а по причинам более серьезным. Их нет в природе или, во всяком случае, становится все меньше и меньше, в особенности возле таких огромных многомиллионных городов, как Ленинград. Еще не так давно, несколько лет назад, букетики их свободно можно было купить на улицах, на новой Конюшенной площади, у магазина. Теперь их не стало. В газетах все чаще печатаются призывы к населению не рвать их и некоторых других цветов во время загородных прогулок: они уже почти исчезают. Хочется думать, что это, главным образом, наблюдается лишь около таких центров, как Москва, Ленинград. Но кто его знает? Может, они действительно стали кандидатами в „Красные книги“ вымирающих видов растительного и животного мира. Печально, если так». (Ед. хр. 45. Л. 91).

<...> За это письмо тебе взялся сегодня по трем причинам: 1. Погода такая аховая, что ни на минуту не позволяет покинуть натопленные комнаты, высунуть нос в сад или хотя бы на веранду; 2. Пользуясь «свободным временем», подробнее ответить тебе на вопросы, которыми ты интересовался в письме: о подробностях нашего дачного бытия: природе, погоде, квартире, питании и прочее; 3. Известить, если ты еще не послал второго письма сюда, адресовать его лучше уже на постоянный адрес, в Ленинград, канал Грибоедова, так как, видимо, здесь мы не задержимся, думаем возвратиться около предстоящего воскресения или немного позднее, так что письмо, адресованное сюда, может нас здесь уже не застать. Причина – погода такая, что для дачи хуже и не придумать, нарушающая все привлекательные дачные стороны. У Володи (Наташиного мужа) отпуск кончается 14 августа; Наташа с дочками, может быть пробудет здесь еще несколько дней, но тоже не будет задерживаться.

Вот тебе и 40-градусная жара, от которой спасались, выезжая из Ленинграда. Нет даже привычного для наших мест августовского уровня. Погода нынче не придерживается никаких «норм».

Теперь о даче и прочем, чем вы интересуетесь.

Мы нынче никуда не собирались. Только, как я уже писал, настойчивые слухи о предстоящей необыкновенной жаре во второй половине лета, с которыми считались и врачи, побудили нас принять предложение Наташи и Володи, выбраться с ними на их дачу на Сиверской.

Итак, дача.

Она состояла из двух домов, один из которых, меньший, был продан сразу же после смерти Владимира Ивановича Честнокова. Наличный дом, интересный по проекту, не был до конца отстроен: не введены в строй 4 жилых комнаты во втором этаже; не проведен в самом доме водопровод (два крана находятся рядом с домом в саду).²⁸

По фасаду дома – сирень, по дорожке к нему от калитки – огромные кусты жасмина. Перед входом на веранду – огромная старая сосна, наверху которой каждое утро стучал, завтракая, дятел.²⁹

Внутренний план дома:

- I. Остекленная веранда.
- II. Столовая (в ней телевизор).
- III. «Наша» комната.
- IV. Комната Наташи с дочками.
- V. Комната Володи.
- VI. Кухня.

Природа (сад и лес).

Сад состоит из двух половин. Передняя по ее границам обсажена поясом кустов шиповника, фасад дома – сиренью, дорожка к веранде – жасмином. В этой части – полянки и клумбы цветов. (Цветами очень интересовалась и ухаживала жена Владимира Ивановича Евгения Владимировна). В правой части – малинник.

²⁸ Далее – рисунок дома.

²⁹ Далее – чертеж.

Задняя половина сада – «фруктовая»: в ней яблони, груши, сливы, вишни; между ними кусты крыжовника, красной и черной смородины. Длинная задняя часть сада занята посадками клубники и овощей. В самом заду – огромный камень (большой того, что у дороги). На территории сада несколько огромных, вековых деревьев – берез, елей, сосны.

Лес. Улица Крылова непосредственно примыкает к лесу. Лес хороший, разнопородный, с полянками. Есть дорожки, просеки и очень живописные уголки, например, по восточному краю. Его Владимир Иванович называл «аллеей Керн».

Я уже, кажется, писал, что в саду прошлой зимой от жестоких морозов погибли кусты жасминов (зеленеют новые побеги от корней) и, видимо, фруктовые деревья, на которых мало листья. Ягодные кусты целы.

Лес тоже, конечно, цел. Грибники уже носят из него грибы.

Погода.

Да, погода во второй половине лета оказалась не та, какую ожидали и от какой «спасались» из Ленинграда. Сорокоградусной жары не состоялось. Вместо нее было прохладно, а временами просто холодно. Кроме нескольких дней с температурой около +20, большинство было около +15 – +17 градусов, иногда и ниже: +7, +8 градусов. Куда же это годится в августе. И редкий день обходился без дождя. Не везло, конечно, дачникам; а сенокос, уборочная?..

Бытовые условия.

Я бы не сказал, что очень разнились от прошлых лет. В лавках нашей половины «Сиверской» всегда были хлеб, булки, молочное: молоко, сметана, творог; б[ольшей] ч[астью] овощи.

Последнее время как-то поусложнилось: с молочными продуктами бывали перебои, вовсе исчезло мясное: мясо, колбаса. В магазинах на самой станции Сиверской (это в километрах трех), они были. Туда иногда ездили на велосипедах и Володя с Наташей, и Оля.

Вот наша летняя информация. <...>

Л. 97–98 об., 31.08.1979.

Итак, дорогой мой, прошло еще одно лето – «Лето 79», как теперь принято называть, а по нашему личному счету еще побольше: «Лето 86». И «засыпание солнца» (15-го/28-го VIII), и массовый отлет ласточек на другой день (16/29 VIII).

Гимназисты и реалисты, бывало, уже второй день сидели за партами, нам оставался еще льготный срок 10 дней свободного пребывания дома, последних прогулок по освоенным за лето полям, берегам речки. Правда, речка в эту пору меняла привычный летний облик с рыболовными омутками и плесами, которые вздувались от начавшейся работы водяной мельницы, расположенной именно выше деревни. Старый глухой и бородатый мельник Андрей Иваныч, которого все считали колдуном, которому было тогда столько же, сколько, вероятно, нам сейчас, налаживал водяные запоры, копил воду и запускал мельницу то днем, то ночью. Днями мы частенько бывали у него, а к вечеру и ночи, признаться,

несколько опасались и самого «колдуна», и его темной таинственной ка-морки с полками, заставленными какими-то древними книгами в кожаных переплетах. Иногда он поражал нас какими-нибудь стихотворными силлабическими строчками, почерпнутыми, очевидно, из них.

Но поля, перелески и «гребные угодья» и в эту пору оставались такими же приветливыми, как летом, – «Балаганы», «Полоски», «Глаголь», «Осиновая роща» – и тянули к их посещению. Особенно поражал и остался в памяти участок около железнодорожного моста, заросший мелким березовым кустарником: неиссякаемо каждое утро он был полон свежих, молодых и крепких, выросших за ночь белых и розовых волнушек. До сих пор не могу понять, почему они росли там в таком количестве.

Да, чудесная вещь – память.

Однако, от воспоминаний пора переходить к сегодняшним дням.

Надеюсь, ты получил мое письмо с описанием и даже рисунком нашей дачи на Сиверской, о чем ты просил. Оно было послано еще оттуда.

К впечатлениям нынешнего лета могу прибавить, что, в противоположность прошлым годам, нынче поразило почти полное отсутствие гроздьев рябины (и на опушке леса, и в садах). Говорят, примета сухой осени. Скорее, может быть, неблагоприятные условия в период цветения. В прошлом году ее было много и на Сиверской, и в Усть-Волме.

Вчерашние газеты сообщили о кончине еще одного столпа нашей современной литературы – Константина Михайловича Симонова. Пишут: после продолжительной и тяжелой болезни (о которой ничего не сообщалось), и по радио, и по телевидению, и на съездах и пленумах он выступал довольно часто.

Которая потеря за сравнительно короткий срок: Константин Федин, Николай Тихонов, теперь Симонов. Кто же остается в руководящих литературных верхах? Самые глубокие старики: Маргарита Шагинян, Михаил Шолохов, Леонид Леонов, видимо, чужды этой роли. Из более молодых не могу припомнить ни одной фигуры, по значению и роли напоминающей многолетнего редактора журнала «Новый мир» Александра Твардовского. Найдутся, конечно, но не такие.

Ты читаешь много, почти всю современную периодику, вероятно, в том числе и «Огонек». Хочу спросить тебя: обратил ли ты в нем внимание на напечатанный в № 24-м, минувшим летом, небольшой цикл стихов из новой книги поэта Сергея Викулова, под общим заголовком «Зарубки»: [«В городе на Волге», «Чем она прославилась», «На улице-посаде», «Кто в лес пришел», «Сказал творец»] и другие. Как ты воспринял эти стихотворения? Многое в них остроумно, метко и интересно в современных условиях. Но, как будто, не вполне «современно» что ли, особенно в условиях политики, проводимой в «Нечерноземной зоне». Интересно, почему их выбрал для помещения в «Огоньке» его редактор А. В. Софронов?

В Ленинграде у нас последняя новость – решение правительства о сооружении дамбы в Финском заливе для защиты Ленинграда от наводнений. Большое дело, вызывающее разные толки. Откладываю о нем до следующего письма <...>